DOI: 10.22394/2070-8378-2017-19-6-29-38

Исследуя революцию

ТАТЬЯНА СЕМЕНОВНА ИЛАРИОНОВА, **доктор философских наук, профессор, заместитель главного редактора Журнал «Государственная служба» (119571, Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 6). E-mail: ts.ilarionova@migsu.ru**

Аннотация: В обзоре новых публикаций, посвященных исследованию революции в России в 1917 году, автор выделяет основные темы, которые были в центре внимания историков, философов и социологов: определение понятия «революция» и его философское осмысление; восстановление хроники революционных событий; анализ реакции разных социальных слоев на восстание масс; деятельность «вождей» революции.

Автор останавливается также на углубленном анализе таких проблем, как периодизация революционных событий, теоретические подходы к оценке массовых выступлений, роль руководителей восстания. Подчеркивается, что единого понимания событий прошлого в российском обществе сегодня нет, и это показывают вышедшие в свет книги. Во многих из них делаются попытки истоки революции связать с более ранними событиями в Российской империи: с трагедией Ходынки, с ожиданиями обществом перемен в 1900 году, с Первой русской революцией 1905 года, с Первой мировой войной. Точно так же и окончание революционного процесса историки и философы видят и оценивают по-разному.

В отличие от классиков марксизма-ленинизма, некоторые современные исследователи основную движущую силу революции видят в крестьянстве – его коренные интересы определяли протест, однако крестьянство, в результате, меньше всех других слоев получило преимущества от свершившейся революции.

Автор выявила также и проблемы, не нашедшие отражения в современных публикациях. По ее мнению, остаются не изученными проблемы конструирования социальной структуры населения утвердившимися у власти элитами, которые применяли самые разные, по преимуществу насильственные, методы для усмирения несогласных.

Ключевые слова: Российская революция, царизм, Николай II, революционное насилие, экспорт революции

Иларионова Т.С. Исследуя революцию. *Государственная служба.* 2017. № 6. С. 29–38

INVESTIGATING THE REVOLUTION

TATYANA S. ILARIONOVA, **Dr. Sci. (Philosophy), Professor**
Deputy Editor-in-Chief of the journal 'Public Administration'
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (str 6., 82, prospekt Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571). E-mail: ts.ilarionova@migsu.ru

Abstract In the review of new publications devoted to the study of the revolution in Russia in 1917, the author identifies the main themes that were in the center of attention of historians, philosophers and sociologists: the definition of the concept of 'revolution' and its philosophical comprehension; restoration of the chronicle of revolutionary events; the analysis of the reaction of different social strata to the uprising of the masses; the activity of the 'leaders' of the revolution.

The author also dwells on the in-depth analysis of such problems as the periodization of revolutionary events, theoretical approaches to the evaluation of mass demonstrations, and the role of leaders of the uprising. It is emphasized that there is no single understanding of the events of the past in Russian society today, and this is shown in the published books. Many of them attempt to connect the origins of the revolution with earlier events in the Russian Empire: the tragedy of Khodynka, the expectations of the society for changes in 1900, the First Russian Revolution of 1905, the First World War. Similarly, historians and philosophers see and evaluate the end of the revolutionary process in different ways.

In contrast to the classics of Marxism-Leninism, some modern researchers see the main driving force of the revolution in the peasantry - its fundamental interests were determined by the protest, but the peasantry, as a result, less than all other strata, benefited from the revolution.

The author also identified the problems that were not reflected in the modern publications. In author's opinion, the problems of construction of the social structure of the population of the established elites using various, mostly violent, methods to suppress the dissenters, have not been studied yet.

Keywords: Russian revolution, tsarism, Nicholas II, revolutionary violence, export of revolution

Ilarionova T.S. Investigating the Revolution. *Gosudarstvennaya sluzhba.* 2017. № 6. P. 29–38. In Russian.

Введение

В начале 2017 года – юбилейного для русских революций – в продаже практически не было книг на эту важную для страны тему. Взамен трудов пришла «устная история» – в самых разных аудиториях: в вузах и публичных библиотеках, в центрах правозащитных организаций и политических партий проводились посвящавшиеся ей лекции и дискуссии. Революция часто становилась информационным поводом для различных телевизионных ток-шоу и пространных радиопередач. И только к ноябрю, к празднику Октября (по «советскому стилю»), в книжные магазины поступило большое количество новых изданий, в которых авторы постарались посмотреть на российское прошлое по-новому, дать свою интерпретацию событий ушедшего века.

Революция стала общественно значимой темой, более того, темой конфликтной – отношение к свергнутому царю, к тайным и явным партиям, к восставшим национальностям вызывало противостояние разных сил, раскалывало и вгрызавшихся в документы исследователей, и профанное общество. Эти дискуссии показали: никакого согласия по поводу Февраля и Октября 1917 года в России нет. За время после начала перестройки и пересмотра, слома многих основ созданного в результате революции строя граждане страны не смогли прийти к единому пониманию свершившихся событий.

И изданные книги об этом ясно свидетельствуют.

Особенностью нынешнего библиосета стало то, что внимание исследователей было сосредоточено на нескольких узловых проблемах:

на понятии «революция» и его философском осмыслении [Завалько, 2017; Мау, 2017; Голдстоун, 2017; Скочпол, 2017; Токвиль, 2017; Чертков, 2017];

на хронике событий [Воронин, 2017; Дубенский, 2017; Рябинский, 2017; Шубин, 2017];

на том, как разные социальные слои восприняли восстание масс и какую в его развитии сыграли роль (причем в 2017 году не было ни одной публикации, посвященной пролетариату или крестьянству) [Аристократия и революция, 2017; Революция 1917 года глазами современников, 2017; Аксютин, Гердт, 2017; Блок, Цветаева, Гиппиус, 2017; Граф, 2017; Политическая элита о революции, 2017; Поэты и Революция, 2017; Русские офицеры о революции, 2017; Хелльбек, 2017];

на восприятии тех событий «отцами» Октября [Ленин, 2017; Ленин о Троцком и троцкизме, 2017; Революция 1917 г. глазами её руководителей, 2017; Сталин, 2017; Троцкий. Февральская революция, 2017; Троцкий. Октябрьская революция, 2017; Троцкий. Преданная революция, 2017].

Конечно, были и обобщающие труды, в том числе и многотомные [Российская революция 1917 года, 2017; Солженицын, 2017; Гефтер, 2017; Селезнев, 2017], были иллюстрированные издания [Гагкуев, 2017; Революция и Гражданская война в России, 2017]. Немало книг посвящено Николаю II (хотя основные публикации прошли годом ранее – к юбилею коронации) [Зубов, Дегтев, 2017; Воронин, 2017; Борисюк, 2017; Переписка Николая II с Вильгельмом II, 2017], А.Ф. Керенскому и В.И. Ленину [Кремлёв. Ленин и Парвус, 2017; Кремлёв. Ленин в 1917 году, 2017; Ленин. К 100-летию Российской революции 1917 года, 2017; Армени, 2017; Данилкин, 2017; Солженицын, 2017; Клинге, 2017, Косолапов, 2017; Полюхов, 2017; Колоницкий, 2017].

Тема революции способствовала публицистической активности сторонников теории заговора [Разумовский, 2017; Шамбаров. Революция – западня для России, 2017; Шамбаров. Кто заплатил Ленину? 2017; Кевхишвили, 2017], как и авторов, проводивших параллели между российским историческим опытом и опытом зарубежных стран [Кашпур, 2017; Пинкус, 2017; Артемов, 2017]. Некоторые книги были на «злобу дня» – с учетом современной ситуации на Украине [Широкорад, 2017; Эрдэ, 2017]. В числе вышедших в 2017 году было немало переизданий: так, труд А.И. Солженицына «Красное колесо» разными издательствами представлялся в отрывках и подборках, в которых была отражена то роль вождей революции, то, напротив, ожидания и чаяния «масс».

Но даже старые публикации в 2017 году прочитывались по-новому: изменилось общее отношение к революции, и ранее не замеченные суждения теперь выглядели как свежий взгляд на прошедшее.

Есть у революции начало?

Выступая на Гайдаровском форуме в январе 2017 года, директор Института российской истории РАН, доктор исторических наук Ю.А. Петров подчеркнул, что неправильно по отдельности рассматривать события февраля и октября 1917-го: это был поток событий, это был единый комплекс проблем. Нужно говорить не о Февральской или Октябрьской революциях, а о Великой российской революции, которая закончилась только с завершением Гражданской войны [Петров, 2017. С. 15].

Двумя годами ранее на мероприятии, посвященном 60-летию восстановления дипломатических отношений между СССР и ФРГ, выступал бывший советский посол в Федеративной Республике В. Фалин: он предлагал пересмотреть принятую в исторической науке периодизацию и начать отсчитывать Вторую мировую не с 1 сентября 1939 года, а расширить ее хронологические рамки и как события той войны рассматривать и оценивать и Гражданскую войну в Испании, и нападение Японии на Китай. Собственно, дальневосточный вооруженный конфликт и стал, по Фалину, после завершения Первой мировой отправной точкой нового глобального противостояния[1].

Когда началась Вторая мировая война? Вопрос не праздный! Как и не праздным кажется вопрос о начале Российской революции. Сегодня авторы подавляющего

1 Чудеса эволюции: «голуби» - в «ястребов»// https://energsnan.blogspot.ru/2015/10/

большинства работ пытаются комплексно оценивать события того времени – и выходят за рамки 25 октября (по старому стилю) 1917 года.

У этого нового подхода, конечно, есть основания. Белорусские коллеги опубликовали в 2017 году давно не выходившую полностью книгу – воспоминания графа С.Ю. Витте, министра финансов, председателя Совета министров Российской империи. Этот труд в трех томах [Витте, 2017] подтверждает обоснованность стремления современных ученых отказаться от предложенной большевиками периодизации и попытаться шире взглянуть на революционный процесс. Витте, который не дожил до 1917 года (он умер в 1915-м), в своих дневниках так представлял окружение Николая II, так изображал события, инспирированные царем, что становится пронзительно ясно: революции не избежать, революция готовится, и ее главный «делатель» не социалисты, не анархисты, не черносотенцы, а государь – настолько непростительно необдуманными, недальновидными и просто опрометчивыми были его поступки. Это касалось всего, к чему бы он ни прикасался (в изображении Витте, по крайней мере): нарушение Договора с Китаем, который был заключен в 1896 году в Москве и был направлен против Японии (по версии Витте, именно нарушение Россией Договора вызвало впоследствии русско-японскую войну, закончившуюся для России огромными потерями и несмываемым позором) [Витте, 2017. Т. 1. С. 126–129]; кадровая чехарда, когда в разгар подготовки войны с Японией, а потом и во время войны на фронтах, было фактическое двоевластие – вместе с наместником Дальнего Востока там действовал и начальник армии, что неизбежно кончилось для войск и флота полной катастрофой [Витте, 2017. Т. 1. С. 412–417]; поддержка отъявленных негодяев в министерстве внутренних дел – министра В.К. Плеве и товарища министра Д.Ф. Трепова, действия которых вызвали Первую русскую революцию [Витте, 2017. Т. 1. С. 480–489]. Воспоминания С.Ю. Витте добавляют красок к портрету Николая II – двойственный, вечно колеблющийся, поглощенный конструированием придворных интриг, а потом с удовольствием смотревший собственноручно поставленный спектакль – соперничество, подсиживания, грызню людей у трона. В «Воспоминаниях-мемуарах» нет такого действующего лица, как народ, как пролетариат и крестьянство, но звуки революции, вибрация революции, запах революции там в каждой строке.

Точкой отсчета революции у Витте является Ходынка [Витте, 2017. Т. 1. С. 134–144] – страшная давка на празднике в честь коронации Николая II 18 (30) мая 1896 года. С этого момента, когда царь не отменил после трагедии, в ходе которой погибло около двух тысяч человек, бала у французского посланника, хотя и пробыл на этом балу не так долго, в отношении него в народе зародилась какая-то неприязнь, переросшая позже в крепкую ненависть. Поступок царя развенчал власть, он сделал ее нелегитимной в глазах населения. Потому что власть должна защищать народ, а не действовать так, как это случилось 18 мая.

Михаил Зыгарь предлагает стартовать в рассмотрении проблем революции с 1900 года [Зыгарь, 2017]. И выбор его обусловлен не только магией круглых чисел. 1900 год как рубеж воспринимался многими современниками, состоялось немало и научных конференций уже в наши дни, на которых рассматривалась проблема 1900 года, как отдельно стоящая. И все потому, что уже тогда не только в России, но и в скандинавских странах, в центре Европы разворачивались невиданные дискуссии о судьбах мира, о себе заявила новая философия и литература, театр и кино, не говоря уже о технических достижениях и научном прогрессе [Influx, 2014]. Зыгарь показывает, как переменились люди, прежде всего, облеченные властью, и сколько в то же самое время случайностей и нелепостей оказывало мощное воздействие на ход событий.

Д.Ю. Лысков, за четыре года до столетия Великого Октября выпустивший в свет свою книгу [Лысков, 2013], отсчет предлагает вести с более позднего времени – с 1905 года. Кроме того, в его представлении сами термины – «буржуазная» и «социалистическая», приложенные к конкретным российским революциям, – термины-обман, потому что они не отражают того, что являлось на самом деле двигателем этих народных возмущений, и последствий, к которым они привели. В представлении автора, марксизм – либеральная идея, но мы знаем, что в России история пошла по совершенно иному пути: если Февраль 1917 года смотрел на образцы установления свободы за рубежом, то Октябрь торил свой путь вдали от общепринятых понятий демократии и свободы. Автор видит завершение Российской революции тогда же, в 1917 году, полагая, что главным ее драйвером было крестьянство, а значит, принятие Декрета о земле завершило период потрясений [Лысков, 2013. С. 25–27]. По этой логике получается, что все последующие события – Гражданская война, установление советского строя – это своего рода социальные афтершоки, уже ничего не способные привнести в понимание самого революционного процесса.

В отличие от этого, В.А. Мау представляет революцию, как длинную волну – она начинается с экономического кризиса и заканчивается «термидором», постреволюционной стабилизацией [Мау, 2017. С. 14–15]. В приложении к российским реалиям это выглядит так: 1915–1916 годы стали периодом краха народного хозяйства, и здесь ректор РАНХиГС видит начало революционных событий, а завершение связывает со свертыванием нэпа в конце 1920-х годов [Мау, 2017. С. 78–118]. Для автора Российская революция, безусловно, пролетарская революция. И отсюда ее приобретения и потери. В.А. Мау отмечает, что в российском случае было существенное исключение из общего правила: «термидор» не случился, не было стабилизации – советская политическая система и, особенно плановая экономика, начали движение от одного кризиса к другому, потому что не был решен ключевой вопрос: кто же в социалистической системе собственник? Результатом этой неопределенности явилось тотальное

огосударствление экономики, а оно, в свою очередь, привело страну к полному историческому банкротству [May, 2017. С. 118].

Теория революции

Столь разные подходы к периодизации Российской революции заставляют обратиться к вопросам теории. И в 2017 году вышел целый ряд книг по проблемам «революциеведения». Существенный вклад внес Институт Гайдара, опубликовавший серию книг выдающихся современных авторов, занятых проблемами циклического развития общества, революционными движениями.

В книге В.А. May используется экономический подход к проблеме, однако автор подчеркивает: есть три самых существенных признака, которые рисуют уникальный «профиль» каждой конкретной революции: системный характер преобразований, которые свершаются в обществе; детерминированность этих преобразований внутристрановым развитием; ослабление государства [May, 2017. С. 29–31, 172–173].

Такой известный автор, как Джек А. Голдстоун, выделяет пять причин установления социального неравновесия, что и приводит к социальному взрыву: проблемы в экономической сфере; отчуждение и рост оппозиционности властных элит; мобилизация простых людей (т.е. наращение «массы» протеста); идеология; благоприятная международная обстановка [Голдстоун, 2017. С. 35–39]. Он рассматривает революцию как процесс.

В отличие от этого, американский социолог Теда Скочпол свою теорию революции вывела из компаративного анализа того, что произошло во Франции, России и Китае. Ее определение революции нельзя не принять: это «быстрые, фундаментальные трансформации государственных и классовых структур общества», которые «сопровождаются и отчасти осуществляются низовыми восстаниями на классовой основе» [Скочпол, 2017. С. 25]. Термин «классовое» выдает в авторе марксиста. Остановимся на другом принципиальном тезисе – «быстрые и фундаментальные трансформации». Такой подход исключает экспозицию и эпилог (пользуясь лексиконом литературоведения), а значит, заставляет рассматривать и оценивать революцию по модулю, только сам стремительный и обязательно насильственный общественный акт, скачок из эпохи в эпоху.

Апеллируя к трудам других авторов, в частности, к книге Челмерса Джонсона, Теда Скочпол показывает, что насилие – обязательная «программа» революции [Скочпол, 2017. С. 40], в этом смысл острой фазы противоборства подчиненных классов и их эксплуататоров. С ней полностью в этом вопросе солидарен и Джек А. Голдстоун. Насилие у него – определяющий элемент, отличительная черта революции [Голдстоун, 2017. С. 19]. Но это вовсе не значит, что у революции нет своей романтики. Идеология, недостижимый яркий образ будущего – вот что по-настоящему подпитывает энергию масс [Скочпол, 2017. С. 308–314]. Цель установления социальной справедливости, создания новых политических институтов заставляет забыть все нормы и правила и идти в бой [Голдстоун, 2017. С. 19].

Однако Голдстоун вводит еще один важный индикатор для определения революции – массовое участие граждан (подданных) в этом социальном акте [Голдстоун, 2017. С. 24–25]. Не отдельных групп со своими интересами, не элитарных слоев, вознамерившихся сменить «вождя», а именно разных сословий, слоев, страт. Важен общий порыв, который и знаменует собой революцию. Принципиальным для начала (и успеха) революции является то, готовы ли силовики (военные, прежде всего) примкнуть к массам [Голдстоун, 2017. С. 28]. Революция – это власти предъявленный полный счет, это тотальное недовольство деятельностью государства.

По-прежнему актуальны рассуждения Алексиса де Токвиля, книга которого была уже в шестой раз переиздана на русском языке – на сей раз к юбилею Российской революции. Автор видел истоки народного возмущения (разумеется, он анализировал Великую Французскую революцию) в действиях административного аппарата. «Характерной чертой французской администрации, – писал он, – является жестокая ненависть, внушаемая ей всеми теми, дворянами или буржуа – безразлично, кто обнаруживает желание заниматься административными делами вне ее. Ее пугает малейшее независимое общество, намеревающееся организоваться без ее посредства; самая мелкая свободная ассоциация, каков бы ни был ее предмет, возбуждает в администрации беспокойство; она допускает существование таких обществ, которые созданы по ее произволу и состоят под ее руководством» [Токвиль, 2017. С. 90].

Де Токвиль корень социальных перемен видит в том, что Старый порядок – отношения между отдельными группами людей, легитимность монархии отдавать распоряжения, сословные различия – на глазах прекращал свое существование, потому что менялась социальная структура населения, сферы занятости, интересы; распространение получили газеты, общественные дискуссии, в ход пошли новые идеи – и неизбежным был крах этого Старого порядка, желанным становилось установление Нового порядка.

Социальная революция – комплексное явление. Она не только означает смену власти, но и влечет за собой коренные перемены во всех общественных средах – начиная от экономического строя и политического режима, до устройства науки или раскрепощения людей в интимной жизни. Это разнообразие побуждает провести классификацию, выявить особые черты тех или иных революций. Этому посвящена книга уже отечественного теоретика Г.А. Завалько [Завалько, 2017]. Революции, по его мнению, могут быть «локальными» или, напротив, всемирными, могут быть свершившимися или незавершенными. Исторический опыт показывает целую палитру революционных движений, обусловленных не только национальными особенностями отдельных народов, но и множеством других факторов, включая географические или идеологические.

Антропология революции

Отчего же случаются революции? Какой вопрос для них главный? Вопреки утверждениям Ленина о пролетариате как движущей силе революции, Теда Скочпол считает, что вопрос о земле являлся основным в Новое и Новейшее время [Скочпол, 2017. С. 289–291]. Изменения в жизни и хозяйствовании вели к изменению форм собственности, видов занятости, и оказывалось, что именно это толкало еще вчера покорных и даже довольных своим положением людей сегодня, в революционные дни, идти в наступление на тех богатых, которые, как праздный класс [Веблен, 2016], ничего не хотели менять в окружающем и не желали меняться сами.

Тем удивительнее результат революции. Не крестьяне оказывались основными бенефициарами социальных перемен, а «образованные маргинальные элиты», которые в условиях абсолютистских, самодержавных режимов были «заточены» на государственную службу [Скочпол, 2017. С. 306–307]. Именно этот, не самый численно большой, слой оказывался на гребне протеста и «оккупировал» затем основные институты управления. Государство становилось средством достижения перемен – и этим средством вчерашние подпольщики умело и с азартом пользовались. Известно, что главные руководители революционных движений – будь то Робеспьер, Ленин или Чан Кайши, были одержимы идеей захвата власти, создания нового государства. Они, как креативные строители, по собственным чертежам монтировали административные, военные, политические структуры – для того, чтобы навсегда разрушить старые монархические порядки [Скочпол, 2017. С. 308].

И все же лозунги революции: «Свобода, равенство, братство» во Франции, «Власть народу! Земля крестьянам! Фабрики рабочим!» в России – на деле означали феноменальную эмансипацию больших общественных слоев. Так, армейская карьера становилась доступной людям из низов, открывалась возможность крестьянам получить образование, не нужно было представителю национального меньшинства оставаться привязанным к месту, где не посчастливилось родиться (как это было с «чертой оседлости» у евреев в России) – можно было поехать и в столицу. Наконец, равенство мужчин и женщин становится чуть ли не главным достижением всех этих трудных преобразований. Хотя равенство для всех означало поражение в правах тех, кто обладал при короле или царе существенными привилегиями, обретение собственности неимущими шло за счет тех, кто эту собственность накапливал на протяжении веков. Раскрепощение вчерашних рабов могло быть осуществлено только и исключительно за счет вчерашних господ. Этот социальный коловорот означал неминуемые демографические подвижки. Позже, уже в стадии «пост-революции», этим будут активно пользоваться и Ленин, и Сталин, выдворяя из страны на «философских пароходах» неугодных, объявляя целые социальные группы то «попутчиками», то «социально чуждыми элементами», отправляя в ГУЛАГ по надуманным обвинениям политических несогласных, депортируя по национальному признаку из мест проживания сотни тысяч граждан.

Революция позволяла конструировать желаемую социальную структуру – чтобы легче там, внизу, воспринимались решения новой власти, чтобы пресечь возможный протест. Революция для революционеров была хорошим уроком – как не надо действовать, чтобы она случилась вновь. Несмотря на постоянный интерес демографов к развитию населения СССР, этот сюжет – конструирование структуры населения, подходящей для политических целей, даже в год юбилея Октября, к сожалению, фундаментально разработан не был ни в одной из проанализированных нами книг. Между тем, именно это и стало долговременным фактором принятия советским народом того продолжительного государственного насилия, которое под флагом защиты революции и ее достижений практиковалось в СССР вплоть до его падения. Макс Вебер, живо интересовавшийся российскими событиями и в 1905 году, и в 1917-м, полагал, что это просто такая особенность народа – переходить «от бурной деятельности к безропотному принятию существующей ситуации» [Каубе, 2016. С. 438], тогда как, по нашему убеждению, это было вполне рукотворное политическое состояние населения, из которого вырубались те, кто не желал идти в ногу. Вебер прав был только в том, что без участия буржуазии в преобразованиях страны не могло идти речи о дальнейшем либеральном пути [Каубе, 2016. С. 432]. Так и вышло: демократия оказалась видимой, строй после Октября возник не такой, как первоначально замысливало подавляющее большинство участников событий 1917 года.

Точное наблюдение содержится в книге де Токвиля о Великой Французской революции: там развитие страны при монархии привело к тому, что «самостоятельная жизнь провинции давно угасла», и в результате «все французы стали очень похожи друг на друга» [Токвиль, 2017. С. 105]. Дело было как раз в третьем сословии, в среднем классе – именно они становились численно преобладающими, цементировали нацию и после свержения монархии смогли установить более или менее справедливый социальный мир.

В России буржуазия не определяла лица страны, она могла быть изгнана, и ее изгнали. А численно небольшой пролетариат, огромная крестьянская масса друг на друга похожи не были, и для нивелирования различий была использована диктатура. Так достигалось положение, когда уже советские люди «стали очень похожи друг на друга».

Анатомия революции

Наверное, термин «диктатура» не очень подходит к тому, что, в конечном счете, образовалось в России. Полагаю, что Г.А. Завалько более правильно охарактеризовал создавшийся после революции строй как политаризм, использовавший террор с единственной целью – уничтожить всякую независимость людей от

государства. Никакой диктатуры пролетариата или диктатуры пролетариата и крестьянства на самом деле не было [Завалько, 2017. С. 220] – было (добавим от себя) публичное манипулирование этими понятиями той группой лиц, которая захватила в стране власть и пыталась таким образом сдерживать население от возможных новых бунтов. Потому что критерием прогресса общества является степень свободы людей, живущих в этом обществе [Завалько, 2017. С. 271], а ее – личной свободы – в России (СССР) не стало больше.

В 2017 году вышло много изданий о вождях революции. И Ленин, и Сталин, и Троцкий, и, разумеется, Николай II, были в центре внимания исследователей. Но хотелось бы выделить новые книги не о тех политических фигурах, кто победил в революции (мы из школьной программы о них знаем достаточно много), а о тех, кто проиграл. Книги о Николае II, Григории Распутине, Александре Керенском [Воронин, 2017; Smith, 2017; Колоницкий, 2017] показывают цепь ошибок и упущенных шансов этих разных лиц, определивших ход российской истории. Именно личные обстоятельства столь разных людей (а не только «восстание масс») вызвали к жизни революцию.

В начале XX века российская общественная жизнь наполнена харизматичными и активными политическими деятелями. Это честолюбивые, заносчивые, обидчивые, по-своему талантливые люди. На удивление активна дворянская часть общества – князья, ранее довольствовавшиеся должностями и наградами, теперь хотят играть более заметную роль в политике, они объединяются в партии и клики (к примеру, Безобразовская клика, как известно, стала настоящим демоном дальневосточного курса царя). То же и в других сословиях. М. Зыгарь справедливо пишет о новом поколении «золотой молодежи» из числа детей купцов – эти нувориши не знали недостатка в деньгах, были обласканы родителями (в отличие от предыдущих поколений, их дома любили и баловали, тогда как раньше бытовали совершенно другие отношения между старшими и младшими в семье – отношения подчинения, послушания, наказаний). Все эти морозовы, мамонтовы, щукины путешествовали, учились за границей, пропадали в театрах [Зыгарь, 2017. С. 64–71]. Они не хотели самодержавия. Они хотели самостоятельности. То же и в отношении петербургской профессуры, литературной богемы.

Анализируя события, предварявшие отречение царя, В.Е. Воронин пишет о том, какое негативное впечатление в обществе создавали самые разные решения Николая II – и назначения в правительстве, и отсутствие какой бы то ни было способности договориться с Государственной думой, и «Японская война», и, наконец, вступление на пост Верховного главнокомандующего в августе 1915 года [Воронин, 2017]. Он цитирует генерала А.А. Брусилова, который оценивал «принятие на себя должности Верховного главнокомандующего» как последний удар, «который нанес себе Император Николай II и который повлек за собой печальный конец его монархии» [Воронин, 2017. С. 19–20]. Царь не отвечал представлению тогдашней России о современности.

«Антимодерн» русского царизма способствовал внезапной тяге к объединению. Самые разные новые организации и союзы были вызваны к жизни еще полвека назад – во время реформ Александра II: тогда задуманные «сверху» земства привели к консолидации отдельных новых кружков и групп. Позже возникают подпольные партии или вполне добропорядочные легальные клубы. Теперь же горожане открыли для себя новую форму объединения: стачки, уличные митинги. В уличных протестах, как и во время Великой Французской революции, ключевую роль сыграли женщины – они вышли в Петрограде 23 февраля (8 марта) 1917 года с протестом против дефицита хлеба [Голдстоун, 2017. С. 112].

Современник революций Эрих Фромм сравнивал стремление к свободе с религиозными движениями – кальвинизмом, протестантизмом, которые побудили буржуа действовать новым способом и отказаться от Старого порядка [Фромм, 2016. С. 43–103]. Для Российской революции вопрос религии также был важен. Первая мировая война с ее неисчислимыми жертвами и тяжелыми поражениями на глазах делала общество секулярным. Царь же и особенно царица приветили старца Григория Распутина. Хотя этот «старец» был младше царя на один год.

Фундаментальное исследование американского историка Дугласа Смита[2] фактически описывает особый вид политической карьеры в условиях «антимодерна» – использование предрассудков, эксплуатация религиозного сознания людей. «Странники» были распространенным русским явлением в XVIII и XIX веках, более того, XIX век даже называли «веком старцев»: Серафим Саровский, обитатели Оптиной Пустыни создавали необходимый фон для появления Распутина [Smith, 2017. С. 41–52]. Но если в первой половине столетия эти люди воспринимались как несущие слово божие, то теперь салонная болтовня о спиритизме, показная набожность и приверженность мистицизму становятся частью того социального протеста, какой неосознанно демонстрирует активная часть России.

Конечно, есть и человеческое основание, почему царская чета стала пользоваться услугами Распутина – тяжелая болезнь наследника престола Алексея была трагедией семьи, государственной проблемой. Распутин стал настоящей западней для монархии. И его убийство в 1916 году было нажатием на спусковой крючок. Дальше – цепь событий, неостановимых, грозных, зловещих.

Упавшую монархию «подобрал» «товарищ Керенский». Ему власть досталась всего на несколько месяцев. Но ведь именно он – и никто другой – обладал шансом вписать Россию в современность и упустил его. Борис Колоницкий не только представил жизненный путь этого человека, но и попытался ответить

2 Нам оно доступно в немецком переводе.

на вопрос, как после слома государственной машины, существовавшей много веков, придать новой власти легитимность, какие необходимо запустить механизмы, чтобы общество приняло, как свою, новую власть, поддержало ее, стало защищать от внешних сил и старых сопротивленцев [Колоницкий, 2017]. Фигура Керенского показывает, что личные качества «вождя» – основной политический капитал в эпоху смуты, потому что отвернуться от вчерашнего героя массы могут в один миг, и тогда и его судьба, и судьба страны будут незавидными.

Экспорт революции

Важен и международный контекст революции [Скочпол, 2017. С. 52– 62], потому что свои кадры, ресурсы, идеи национальная революция часто черпает или сберегает за рубежом. Добавим от себя: зарубежные страны очень часто выступают своего рода депозитарием харизматичных революционеров, которым дают политическое убежище, которых снабжают необходимым, чтобы в нужный момент они смогли вернуться на родину и совершить задуманное – если это соответствует планам страны-убежища. Кроме того, более успешные страны являются поставщиками идеологических образцов для стран-аутсайдеров, «мягкая сила» примера оказывала и оказывает существенное воздействие на возникновение революции.

К сожалению, архивы, которые бы проливали свет на более чем щекотливый вопрос связей российской социал-демократии с зарубежными правительствами, до сих пор закрыты. Есть общеизвестные источники исторической информации, они, как правило, «облагорожены» большевистской интерпретацией тех событий, поэтому и сегодня публикации отечественных историков на эту тему зачастую выглядят как попытки оправдаться и настоять на старой версии. Одной из таких публикаций можно признать книгу С. Кремлёва «Ленин и Парвус». Ленин в ней предстает чуть ли не бессребреником, окруженным злодеями, получавшими заграничные деньги. Автор подчеркивает, что его книга «призвана раз и навсегда закрыть … вопрос о том, был ли Ленин связан во время Первой мировой войны с германским Рейхом, получал ли он из Германии какие-либо субсидии и возвращался ли он в Россию в пресловутом «пломбированном» вагоне как «германский агент»? Верные ответы на эти вопросы: нет, не получал и ничьим агентом не был – ни кайзера Вильгельма, ни Антанты» [Кремлёв. Ленин и Парвус, 2017. С. 35].

Русская служба Би-би-си весной 2017 года показала в Интернете серию передач и многосерийный документальный фильм о «пломбированном» вагоне[3]. Эти материалы, конечно, тоже основываются на открытых данных. Но интересны акценты: особое внимание британские документалисты сделали на проблеме пополнения большевиками партийной кассы. Суммы, которые получали большевики, впечатляют. Очевидно, что никакие «эксы» в России[4] не могли дать возможность действовать с таким размахом, как это получилось у Ленина и его соратников во время эмиграции в Европе.

6 июля 2017 года в резиденции германского посла фон Фрича в Москве прошла интересная встреча с писателем Стеном Надольным. Он рассказал о своем деде – дипломате Рудольфе Надольном. Рудольф Надольный представлял в качестве посла в Москве Германию в первые полтора года после прихода к власти Гитлера. А ранее, в марте-апреле 1917 года, этот человек принимал непосредственное участие в решении вопроса о пропуске в Россию через воюющую Германию В.И. Ленина. Знакомясь с этой историей, любой сделает вывод: не Ленин был главным в свершении Октября, а те, кто принял решение пропустить «вождя мирового пролетариата» через свою территорию в Россию. Они так же с полным правом могут называться «отцами» русской революции. Внук подчеркнул: Р. Надольный был вице-консулом в Санкт-Петербурге во время Первой русской революции, он знал, что такое царизм, и был убежден, что стране необходимы реформы[5].

Но я, тем не менее, согласна с В.А. Мау: какой бы ни была история с «пломбированным» вагоном, революция – результат внутриполитического развития страны, ошибок, преступлений, самонадеянности собственной элиты [Мау, 2017. С. 347]. У нее могли быть и, скорее всего, были внешние ускорители. Но то, что это был поход против собственной действительности – непреложный факт.

Распознать революцию

В 2017 году Сахаровский центр с участием Института общественных наук РАНХиГС провел целую серию интересных лекций и дискуссий, посвященных революции. В них принимали участие и специалисты из Института российской истории РАН. Запомнились выступления кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника В.Б. Аксенова о настроениях людей в 1917 году, ожиданиях, разочарованиях, надеждах. Один из основных его тезисов – современники не смогли своевременно «распознать» революцию: в течение всего 1917 года происходило так много событий, одно страшнее другого, что в этой череде не сразу, а только по прошествии времени, становилось ясно, какое же из них ключевое, поворотное, после которого уже нет никакого возврата назад[6].

И в Феврале, и в Октябре такими поворотными событиями стали формальные акты «приемки-передачи» власти: отречение императора 2 (15) марта 1917 года и низложение Временного правительства 25 октября

3 http://www.bbc.com/russian/features-39518072; http://www.bbc.com/russian/media-39556369 http://www.bbc.com/russian/media-39574362; http://www.bbc.com/russian/features-39597406 http://www.bbc.com/russian/media-39623261

4 Пополнение партийной кассы с помощью криминальных разбоев и грабежей.

5 https://energsnan.blogspot.ru/2017/07/blog-post_6.html

6 https://energsnan.blogspot.ru/2017/02/blog-post_8.html

(7 ноября) 1917 года. Но для современников женский бунт, убийство адмирала Вирена, Корниловский мятеж или остановка конки были важнее, чем то, что творилось в верхах. Революция близорука.

Революция недолговечна. Каждая закончившаяся революция создает новую «нормальность», которая со временем способна превратиться в Старый порядок.

Революция заставила пересмотреть многие ценности, от многого отказаться. Например, смута «обесценила ученость» [Каубе, 2017. С. 551]. Революция заставила целое поколение выбросить вон прежние представления о традиционном распределении ролей членов семьи, о месте труда в судьбе человека, о религиозных воззрениях. Революция проникла во все поры жизни, никого не обошла, вторглась в каждый дом.

В ряду романтических манков революции особую роль играют массовые желания добиться справедливого общества, равенства людей – сословий, полов и рас. Однако, как показывают современные исследователи, неравенство порождается в каждом из обществ – со стабильной экономикой или с экономикой разбалансированной, на подъеме развития, и тем более, в условиях депрессии или кризиса. Есть самые разные способы устранить неравенство, и их применяли в доиндустриальную эпоху и применяют в наши дни. Экономист из США Бранко Милановић разработал даже типологию видов неравенства и путей их преодоления [Милановић, 2017]. Но это знание совершенно не устраняет революции. Напротив, массовые возмущения, зреющие в недрах социального целого, как магма из вулкана, вырываются наружу и сотрясают современный мир.

Революции случаются редко, но их плоды остаются навсегда.

Литература

Аксютин Ю.В., Гердт Н.Е. Русская интеллигенция и революция 1917 года: в хаосе событий и в смятении чувств. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2017. 703 с.

Аристократия и революция. Мемуары. Ред.-сост. С.Н. Абовская. М.: Издательство «Абрис», 2017. 384 с.

Артемов Ю. Русская революция в Австралии и сети шпионажа. СПб.: Издательство «Алетейя», 2017. 281 с.

Блок А.А., Цветаева М.И., Гиппиус З.Н. Революция глазами современников. М.: Издательство «АСТ», 2017. 480 с.

Борисюк А.А. История России, которую приказали забыть. Николай II и его время. М.: Издательство М.Б. Смолина (ФИВ), 2017. 232 с.

Веблен Т.Б. Теория праздного класса. М.: URSS: Ленанд, 2017.

Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары. В 3 т. Минск: Харвест, 2017.

Воронин В.Е. Отречение: Император Николай II и Февральская революция. Монография. М.: Издательство «Прометей», 2017. 123 с.

Гагкуев Р, Репников А. Великая Революция 1917 года. Иллюстрированная летопись. М.: Издательство «Эксмо», «Яуза», 2017. 221 с.

Гефтер М. 1917: неостановленная революция. 100 лет в ста фрагментах. М.: Издательство «Европа», 2017. 219 с.

Голдстоун Дж. А. Революции. Очень краткое введение. Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 200 с.

Граф Г.К. Революция и флот. Балтийский флот в 1917–1918 гг. М.: Издательство «Вече», 2017. 336 с.

Данилкин Л.А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. Серия: «ЖЗЛ». М.: Издательство «Молодая гвардия», 2017. 911 с.

Дубенский Д.Н. Революция, или Как произошел переворот в России. М.: Издательство «АСТ», 2017. 432 с.

Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: Проблемы, идеи, концепции. М.: Издательство «ЛИБРОКОМ», 2017. 384 с.

Зубов Д., Дегтев Д. Николай II: психологическое расследование. М.: Издательство «Эксмо», 2017. 286 с.

Зыгарь М. Империя должна умереть. История русских революций в лицах. 1900–1917. М.: Издательство «Альпина Паблишер», 2017. 909 с.

Каубе Ю. Макс Вебер: жизнь на рубеже эпох. М.: Издательский дом «Дело», 2016. 600 с.

Кашпур А.Н. Великая революция и контрреволюция: причины, процессы и последствия. М.: Издательство: ИТРК, 2017. 208 с.

Кевхишвили В. Революция совести. М.: Издательство ИПЛ, 2017. 95 с

Клинге А. Ленин. Самая правдивая биография Ильича. Издательство «Эксмо»: «Яуза», 2017, 319 с.

Колоницкий Б. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). М.: Издательство «Новое литературное обозрение», 2017. 512 с.

Косолапов Р.И. Сталин и Ленин. М.: Издательство «Едиториал УРСС», 2017. 96 с.

Кремлёв С. Ленин в 1917 году. М.: Издательство «Яуза-пресс», 2017. 638 с.

Кремлёв С. Ленин и Парвус: вся правда о «пломбированном вагоне» и «немецком золоте». М.: Издательство «Яуза-пресс», 2017. 319 с.

Ленин В.И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М.: Издательство «Ленанд», 2017. 152 с.

Ленин о Троцком и троцкизме: из истории РКП(б). Предисл. М.С. Ольминского. М.: Издательство «ЛЕНАНД», 2017. 184 с.

Ленин. К 100-летию Российской революции 1917 года. Сост., вступ. ст. А.Н. Артизова, А.К. Сорокина. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2017. 423 с.

Лысков Д.Ю. Великая русская революция: 1905–1922. Размышляя о марксизме. М.: Издательство «ЛИБРОКОМ», 2013. 400 с.

Мау В.А. Революция: механизмы, предпосылки и последствия радикальных общественных трансформаций. Под ред. Е.В Антоновой. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 368 с.

Милановић Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 336 с.

Переписка Николая II с Вильгельмом II. М.: Издательство «Эксмо», 2017. 317 с.

Петров Ю. 1917–2017: уроки ста минувших лет. *Государственная служба.* 2017. Т. 19. № 1. С. 15–20.

Пинкус С. 1688 г. Первая современная революция / пер. с англ. Н.Я. Тартаковской. Научно-популярное издание. М.: Издательство АСТ, 2017. 927 с.

Политическая элита о революции. Мемуары. Ред.-сост. И.А. Корешкин. М.: Издательство «Абрис», 2017. 383 с.

Полюхов А.А. Ленин и Керенский. Всадники апокалипсиса. М.: Издательство «Книжный мир», 2017. 352 с.

Поэты и Революция. Сборник стихов. Сост. В.С. Симаков. Под ред. С. Волковой. СПб.: Издательство «Страта», 2017. 232 с.

Разумовский Ф.В. 1917: Переворот? Революция? Смута? Голгофа! М.: Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2017. 559 с.

Революция 1917 г. глазами её руководителей. Авт.-сост. Д. Анин. М.: Издательство «Центрполиграф», 2017. 351 с.

Революция 1917 года глазами современников. В 3 т. Ред.-сост. В.В. Шелохаева. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2017.

Революция и Гражданская война в России. 1917–1922 гг. Науч. ред. Р.Г. Гагкуев. Фотоальбом. М.: Издательство «Достоинство», 2017. 368 с.

Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. Отв. ред. Ю.А. Петров. В 2 т. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2017.

Русские офицеры о революции. Ред.-сост. И.А. Корешкин. М.: Издательство «Абрис», 2017. 384 с.

Рябинский К. Революция 1917 г. Октябрь. Хроника событий. О событиях революции без авторской субъективной оценки. М.: Издательство: Центрполиграф, 2017. 575 с.

Селезнев Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918). М.: Издательство «Алетейя», 2017. 180 с.

Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. Пер. с англ. С. Моисеева; науч. редактор перевода Д. Карасев. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 552 с.

Солженицын А.И. Наконец-то революция. М.: Издательство АСТ, 2017. 704 с.

Солженицын А.И. Царь. Столыпин. Ленин. М.: Издательство АСТ, 2017. 624 с.

Сталин И.В. Русская революция. От Октября 17-го до Союза ССР. М.: Издательство «Книжный мир», 2017. 352 с.

Токвиль А. Старый порядок и революция. Пер. с фр. под ред. П.Г. Виноградова. М., Челябинск: Издательство «Социум», 2017. 371 с.

Троцкий Л.Д. История русской революции. Февральская революция. М.: Издательство «Вече», 2017. 448 с.

Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? М.: Издательство «Т8 RUGRAM», 2017. 171 с.

Троцкий Л.Д. История Русской революции. Октябрьская революция. М.: Издательство «Книжный мир», 2017. 384 с.

Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Издательство АСТ, 2017. 288 с.

Чертков В.Г. О революции: Насильственная революция или христианское освобождение? Обращение к верующим в Бога русским людям. С предисловием Л.Н. Толстого. М.: Издательство «Ленанд», 2017. 136 с.

Шамбаров В.Е. Кто заплатил Ленину? М.: Издательство «Вече», 2017. 368 с.

Шамбаров В.Е. Революция – западня для России. М.: Издательство «Вече», 2017. 415 с.

Широкорад А.Б. Революция и Гражданская война в Крыму. М.: Издательство «Вече», 2017. 350 с.

Шубин А.В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. СПб.: Издательство «Питер», 2017. 448 с.

Эрдэ Д.И. Революция на Украине: От керенщины до немецкой оккупации. М.: Издательство «Кучково поле», 2017. 383 с.

Influx. Der deutsch-skandinavische Kulturaustausch um 1900/Hrsg. von Soren R. Fauth, Gisli Magnusson. Unter red. Mitarbeit von Peter Wasmus. Wuerzburg: Koenigshausen& Neumann, 2014. 512 S.

Smith D. Und die Erde wird zittern. Rasputin und das Ende Romanows. Darmstadt: Thess, 2017. 896 S.

References

Aksyutin Y. V., Gerdt N. E. The Russian intelligentsia and the revolution of 1917: in the chaos of events and in the confusion of feelings. M.: Publishing house 'Political Encyclopedia', 2017. 703 p. In Russian

Aristocracy and revolution. Memoirs. Ed.-Comp. S. N. Abovskaya. M.: Publishing House 'Abris', 2017. 384 p. In Russian

Artemov Y. Russian revolution in Australia and a network of espionage. SPb .: Publishing House 'Aleteyya', 2017. 281 p. In Russian

Block A. A, Tsvetaeva M. I, Gippius Z. N. Revolution through the eyes of contemporaries. M.: AST Publishing House, 2017. 480 p. In Russian

Borisyuk A. A. The history of Russia, which was ordered to forget. Nicholas II and his time. Moscow: Publisher MBSmolina (FIV), 2017. 232 p. In Russian

Caube Y. Max Weber: life at the turn of the eras. M.: Publishing house 'Delo', 2016. 600 p. In Russian

Chertkov V. G. About the Revolution: Violent Revolution or Christian Liberation? The appeal to Russian believers in God. With the preface of Leo Tolstoy. M.: Publishing house 'Lenand', 2017. 136 p. In Russian

Correspondence between Nicholas II and Wilhelm II. M.: Publishing house 'Exmo', 2017. 317 p. In Russian

Danilkin L. A. Lenin: Pantocrator of solar dust particles. Series: 'ZHZ'. M.: Publishing house 'Young Guard', 2017. 911 p. In Russian

Dubensky D. N. Revolution, or How a coup occurred in Russia. Moscow: Publishing House 'AST', 2017. 432 p. In Russian

Erde D. I. Revolution in Ukraine: From Kerensky to German occupation. M.: Publishing House 'Kuchkovo Field', 2017. 383 p. In Russian

Fromm E. Escape from the freedom. In: Publishing house AST, 2017. 288 p.

Gagkuev R., Repnikov A. The Great Revolution of 1917. Illustrated chronicle. M .: Publishing house "Eksmo", "Yauza", 2017. 221 p.

Gefter M. 1917: an unstoppable revolution. 100 years in a hundred fragments. M.: Publishing House 'Europe', 2017. 219 p. In Russian

Goldstone J. A. Revolution. A very brief introduction. Trans. from English by A.Yakovleva. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute, 2017. 200 p. In Russian

Graf G.K. Revolution and the Navy. The Baltic Fleet in 1917-1918. Moscow: Veche Publishing House, 2017. 336 p. In Russian

Kashpur A.N. The Great Revolution and Counter-Revolution: Causes, Processes and Consequences. M.: Publisher: ITRK, 2017. 208 p.

Kaube J. Max Weber: life at the turn of the ages. M.: Publishing house 'Delo', 2016. 600 p. In Russian

Kevkhishvili V. The Revolution of Conscience. Moscow: ILL Publishing, 2017. 95 pp. In Russian

Klinge A. Lenin. The most truthful biography of Ilyich. Publishing

house «Eksmo»: «Yauza», 2017, 319 p. In Russian

Kolonitsky B. 'Comrade Kerensky': an anti-monarchist revolution and the formation of the cult of the 'leader of the people' (March-June 1917). Moscow: Publishing House 'Novoe literaturnoe obozrenie', 2017. 512 p. In Russian

Kosolapov R. I. Stalin and Lenin. M: Publishing house 'Editorial URSS', 2017. 96 p. In Russian

Kremliov S. Lenin and Parvus: the whole truth about the 'sealed coach' and 'German gold'. M.: Publishing house 'Yauza-press', 2017. 319 p. In Russian

Kremliov S. Lenin in 1917. M.: Publishing House 'Yauza-press', 2017. 638 p. In Russian

Lenin V. I. About Trotsky and Trotskyism: from the history of the RCP (b). Foreword by Olminsky M.S. M.: Publishing house 'LENAND', 2017. 184 p. In Russian

Lenin V. I. State and Revolution: The teaching of Marxism about the state and the tasks of the proletariat in the revolution. M.: Publishing house 'LENAND', 2017. 152 p. In Russian

Lenin V. I. To the 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917. Introd. article by Artizov A. N., Sorokin A. K.. M.: Publishing house 'Political Encyclopedia', 2017. 423 p. In Russian

Lyskov D. Y. The Great Russian Revolution: 1905-1922. Reflecting on Marxism. Moscow: Publishing House 'LIBROKOM', 2013. 400 p. In Russian

Mau V. A. Revolution: the mechanisms, prerequisites and consequences of radical social transformations. Edited by Antonova E. V. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute, 2017. 368 p. In Russian

Milanovic B. Global Inequality. A new approach for the era of globalization. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute, 2017. 336 p. In Russian

Petrov Y. 1917 - 2017: Lessons from the past hundred years. *Gosudarstvennaya sluzhba.* 2017. T. 19. № 1. P. 15-20. In Russian

Pincus S. 1688. The first modern revolution [trans. from English by Tartakovskaya N. Y.]. Popular scientific publication. M.: Publishing house AST, 2017. 927 p. In Russian

Poets and the Revolution. A collection of poems. Compiled by Simakov V. S.; edited by Volkova S. SPb .: Publishing house 'Strata', 2017. 232 p. In Russian

Political elite about revolution. [Memoirs]. [Edited and Compiled by Koreshkin I. A.]. M.: Publishing House 'Abris', 2017. 383 p. In Russian

Polukhov A. A. Lenin and Kerensky. Horsemen of the Apocalypse. Moscow: Publishing House 'Book World', 2017. 352 p. In Russian

Razumovsky F. V. 1917: A coup? Revolution? Troubles? Calvary! M.: Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2017. 559 p. In Russian

Revolution and the Civil War in Russia. 1917-1922 [scientific editing by Gagkuev R.G.]. Photo album. M.: Publishing House 'Dignity'. In Russian

Revolution of 1917 through the eyes of contemporaries. In 3 tons. Ed.-Comp. by Shelokhayeva V. V. M.: Publishing house 'Political Encyclopedia', 2017. In Russian

Revolution of 1917 through the eyes of its leaders. Author and compiler - Anin D.. Moscow: Tsentrpoligraf Publishing House, 2017. 351 p. In Russian

Russian officers about the revolution. Edited and Compiled by Koreshkin I. A. M.: Publishing House 'Abris', 2017. 384 p. In Russian

Ryabinsky K. The Revolution of 1917 October. Chronicle of events. About the events of the revolution without the author's subjective assessment. M.: Publisher: Tsentrpoligraf, 2017. 575 p. In Russian

Seleznev F. A. The revolution of 1917 and the struggle of elites around the issue of a separate peace with Germany (1914-1918). M.: Publishing House 'Aleteyya', 2017. 180 p. In Russian

Shambarov V. Y. Revolution - a trap for Russia. Moscow: Veche Publishing House, 2017. 415 p. In Russian

Shambarov V. Y. Who paid Lenin? M.: Publishing House 'Veche', 2017. 368 p. In Russian

Shirokorad A. B. The Revolution and the Civil War in the Crimea. Moscow: Veche Publishing House, 2017. 350 p. In Russian

Shubin A. The Start of the Country of Soviets. Revolution. October 1917 - March 1918. St. Petersburg: Publishing House 'Peter', 2017. 448 p. In Russian

Skocpol T. States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia, and China. Trans. from English by Moiseev S.; scientific editor of translation - Karasev D.. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute, 2017. 552 p. In Russian

Solzhenitsyn A.I. Finally a revolution. M.: AST Publishing House, 2017. 704 p. In Russian

Solzhenitsyn A.I. Emperor. Stolypin. Lenin. Moscow: AST Publishing House, 2017. 624 p. In Russian

Stalin I.V. The Russian Revolution. From October 17th to the Union of Soviet Socialist Republics. Moscow: Publishing House 'Book World', 2017. 352 p. In Russian

The Russian Revolution of 1917: power, society, culture. [Repl. Ed. by Petrov Y. A.]. In 2 vols. M.: Publishing house 'Political Encyclopedia', 2017. In Russian

Tocqueville A. The Old Order and the Revolution. [trans. from fr. by Vinogradov P. G]. M., Chelyabinsk: Publisher Socium, 2017. 371 p. In Russian

Trotsky L. D. History of the Russian Revolution. The February Revolution. Moscow: Veche Publishing House, 2017. 448 p. In Russian

Trotsky L.D. History of the Russian Revolution. October Revolution. Moscow: Publishing House 'Book World', 2017. 384 p. In Russian

Trotsky L.D. The Revolution: What is the USSR and where is it going? Moscow: Publishing House 'T8 RUGRAM', 2017. 171 p. In Russian

Veblen T. B. Theory of an idle class. M.: URSS: Lenand, 2017. In Russian

Voronin V. Y. Renunciation: Emperor Nicholas II and the February Revolution. Monograph. M.: Publishing house 'Prometheus', 2017. 123 p. In Russian

Voronin V. Y. Renunciation: Emperor Nicholas II and the February Revolution. Monograph. M.: Publishing house 'Prometheus', 2017. 123 p. In Russian

Witte S.Y. Memories, memoirs. In 3 vols. Minsk: Kharvest, 2017. In Russian

Zavalko G. A. The concept of 'revolution' in philosophy and social sciences: Problems, ideas, concepts. Moscow: Publishing House 'LIBROKOM', 2017. 384 p. In Russian

Zubov D., Degtev D. Nicholas II: psychological investigation. M.: Publishing house 'Eksmo', 2017. 286 p. In Russian

Zygar M. Empire must die. The history of Russian revolutions in the faces. 1900 - 1917. Moscow: Publishing House 'Alpina Pablisher', 2017. 909 p. In Russian